

Марина Ветрова

ИЗМЕНА МУЖА.

Ты превратил наш дом
в тюрьму!

18+

Марина Ветрова

**Измена мужа. Ты превратил
наш дом в тюрьму!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты превратил наш дом в тюрьму! / М. Ветрова —
«Автор», 2026

В три часа ночи умный замок перестал узнавать мои отпечатки. А в нашей спальне появилась чужая женщина.— Марина, у тебя паранойя! — заявил муж. Денис установил камеры по всему дому, даже в детских комнатах. Его любовница получила доступ к записям, пока меня убеждали, что я схожу с ума. Они хотели забрать моих детей, деньги и бизнес. Превратить меня в беспомощную пациентку психиатрической клиники. Но муж забыл, что я архитектор. Именно я проектировала наш дом и знаю его тайные коммуникации. Теперь мне поможет загадочный специалист по кибербезопасности Игорь. И скоро вся страна увидит, что скрывалось за дверями нашего идеального дома.

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты превратил наш дом в тюрьму!

Глава 1

Строительная пыль въелась в кожу так глубоко, что мне казалось, будто я пахну бетоном и чужими жизнями даже после двадцати минут под душем. Три часа ночи. Четверг. Мои ноги гудели от усталости, а глаза горели сухим огнем. Единственное, чего я хотела сейчас — это тишина моего дома на берегу реки, где воздух фильтруется через систему «Умный климат», и где никто не требует от меня чертежей до рассвета.

Я подошла к двери нашей двухуровневой квартиры в ЖК «Ривер Парк». Биометрический замок, который Денис установил полгода назад с гордостью человека, построившего крепость для своей королевы, молчал. Я приложила палец к сенсору. Ничего. Приложила второй. Тишина. Только тусклый красный индикатор мигал с ритмом умирающего сердца.

— Ну давай, умник, — прошептала я, чувствуя, как внутри закипает раздражение, смешанное со страхом. Мы живем здесь, чтобы чувствовать себя в безопасности, а не чтобы стоять на пороге собственной квартиры в три часа ночи.

Сенсор снова завис. Я почувствовала холодок по спине. Удобство здесь было ни при чём: это было унижительно. Мой дом, который должен был защищать меня от мира, отказывался признавать меня хозяйкой.

В кармане пальто лежал аварийный ключ. Тяжелый, старомодный кусок металла, который Денис называл «артефактом прошлого века». Он всегда смеялся над ним, когда мы обсуждали безопасность: «Марина, технологии не дают осечек. А вот ты можешь забыть пароль». Сейчас я доставала этот ключ с ощущением предательства. Вставила его в скрытый люк замка. Механизм щелкнул сухо, злобно, открывая дверь.

Я вошла внутрь. Темнота была абсолютной. Ни один датчик движения не включил свет в холле. Обычно они реагируют мгновенно, приветствуя нас мягким янтарным свечением. Сейчас же только хаотичные огоньки IoT-устройств мерцали в разных углах гостиной: зеленый глаз телевизора, синий пульс колонок, желтый огонек зарядного устройства на тумбочке. Они выглядели как глаза зверей, наблюдающих из темноты.

Тишина нарушалась лишь низким, вибрирующим гулом. Он шел откуда-то снизу, из технической ниши нижнего уровня, где стояла серверная стойка нашего домашнего кластера. Она должна была быть в спящем режиме, потреблять минимум энергии. Но этот гул... он был слишком громким. Слишком настойчивым.

Мои руки дрожали, пока я шла к электрощитку в коридоре. Я надеялась найти банальную ошибку проводки. Скачок напряжения. Сбой системы охлаждения. Что угодно, кроме мысли о том, что что-то внутри этого дома работает не так, как задумано. Я открыла крышку щитка. Все автоматы были на месте. Индикаторы стабильны. Никаких ошибок. Гул продолжался, ровный и монотонный, как дыхание спящего гиганта.

Я выдохнула, пытаясь убедить себя, что это просто вентиляторы серверной стойки Дениса, которую он не выключил на ночь. Его привычка держать все устройства в вечном standby приводила меня в бешенство годами.

На кухне было темно, но запах ударил меня в нос раньше, чем я успела включить свет. Свежесваренный кофе. Крепкий, эспрессо-базовый аромат, который витал в воздухе, хотя

кофемашина давно не использовалась нами в это время суток. На столешнице стояла кружка. Полная.

Я протянула руку, касаясь фарфора. Кружка была холодной. Ледяной, если честно. Значит, кофе успел остыть. По кружке я не могла понять, когда его заварили. Кто? Денис спал? Или еще нет?

Я подняла кружку и сделала глоток, просто чтобы понять вкус. Горький, кислый, дешевый зерновой кофе. Но под этой горечью пряталось что-то другое. Сладковатое, химическое послевкусие. Ваниль? Нет, что-то более приторное. Духи?

Я поставила кружку обратно, чувствуя тошноту. Ванильные нотки были чужими. У нас в доме никогда не пахло ванилью. У нас пахло деревом, кожей и дорогим парфюмом Дениса, древесным и резким. Этот запах принадлежал кому-то другому. Кому-то, кто сидел здесь совсем недавно. Кому-то, кто пил наш кофе и оставлял следы своего присутствия в нашем самом сокровенном пространстве.

Сердце колотилось где-то в горле. Я достала телефон. Пальцы скользили по экрану от пота. Открыла приложение управления сетью «HomeNet Pro», которое Денис хвастливо интегрировал в каждую розетку и каждый гаджет. Мне нужно было перезагрузить Wi-Fi, чтобы мой рабочий ноутбук наконец соединился с облаком. Я нажала кнопку «Обновить статус».

Экран замер на долю секунды, затем выдал список активных подключений.

Основная сеть (5GHz): 3 устройства.

Гостевая сеть (2.4GHz): 1 устройство.

Мой взгляд упал на IP-адрес гостевой сети. `192.168.1.105`. Я знала адреса всех наших устройств. Телефон Дениса, мой телефон, планшет сына, ноутбук дочери, умные часы. И этот адрес... он не совпадал ни с одним из них.

Я нажала на имя устройства. В графе «Имя» было написано: Unknown_Laptop. В графе «Время подключения»: 02:17 AM.

Сессия началась почти час назад и всё ещё шла.

Тело заломило от холода, хотя отопление работало на полную мощность. Я попыталась заблокировать этот IP-адрес. Нажала «Заблокировать». Появилось сообщение об ошибке: «Отказано в доступе. Права администратора изменены пользователем Denis_77».

Изменены пять минут назад. Пока я была снаружи, пытаюсь войти в свой собственный дом.

Мир вокруг начал плыть. Это была не случайность. Это была демонстрация силы. Кто-то был в нашей сети прямо сейчас. Кто-то имел права администратора. Кто-то знал пароли лучше меня.

Я побежала в кабинет, где на столе стоял роутер. Маленькая коробочка с красным глазом, который мигал в такт моему сердцебиению. Открыла на телефоне журнал доступа умного замка, синхронизированный с этим устройством. Экран телефона показал две последние записи.

23:45 – Вход по биометрии (Денис).

02:16 – Вход по временному QR-коду (Гость).

Временный код можно отправить через приложение удаленно. Но запись о входе появляется, когда код сканируют у двери. То есть, кто-то стоял у нашей двери после двух ночи. Кто-то, кого Денис пустил внутрь.

Шаги на втором этаже.

Звук был легким, почти невесомым, но в тишине этого дома он звучал как удар колокола. Скрип половицы в спальне. Скрип двери.

Я обернулась. Денис стоял в дверном проеме. Он был в домашней футболке и шортах, волосы растрепаны, лицо сонное, но глаза... глаза были абсолютно трезвыми. Холодными.

— Марина? — его голос был низким, бархатным. — Ты почему шумишь? Уже четвертый час.

Он спустился по лестнице, не включая свет. Он шел уверенно, обходя край консоли. Даже в темноте помнил, где здесь что стоит.

— Кто был в доме? — спросила я, показывая ему телефон. Голос сорвался на визг. — Кто имеет доступ к гостевой сети? Почему изменились права?

Денис остановился передо мной. Он не взял телефон. Он посмотрел на него так, как смотрят на муху, залетевшую в салон автомобиля.

— Это баг прошивки, — сказал он спокойно. — Вендор выпустил обновление ночью. Система переназначила привилегии. Я уже отправил тикет.

— Баг? — я усмехнулась, и эта усмешка вышла похожей на плач. — На кухне чужой кофе. Пахнул ванилью. Кто-то был в гостевой сети. Мой телефон показывает активную сессию!

— У меня нет времени на твою истерику, Марина, — он сделал шаг ближе, нависая надо мной. От него пахло дезодорантом и дорогим лосьоном после бритья. Запахом контроля. — Если устала, иди спать. Или выпей валерьянки. Не трогай мои настройки.

— Это наши настройки! Наш дом!

— Это моя инфраструктура, — отрезал он. В его тоне появилась сталь. — Ты архитектор, ты строишь стены. А я строю системы. Не путай роли.

Он забрал у меня телефон, бросил его на консоль в холле и повернулся к лестнице.

— Свет в коридоре выключи. Энергия стоит денег.

Он ушел наверх. Шаги затихли. Дверь спальни захлопнулась с глухим звуком, который отозвался болью в моих висках.

Я осталась одна в темноте гостиной. Гул серверной стойки стал громче, или мне показалось? Я подошла к консоли, чтобы взять телефон. Экран все еще светился. Приложение HomeNet Pro висело в фоне.

Я взяла трубку. Руки тряслись так сильно, что я чуть не выронила ее. Посмотрела на журнал активности замка. Записи исчезли. Чисто. Как будто их никогда не было. История очищена.

Страх сменился яростью. Жесткой, металлической яростью. Он не просто лгал. Он уничтожал доказательства. Прямо сейчас. В моем собственном доме.

Я медленно поднялась по лестнице. Каждое движение давалось с трудом, словно я шла против течения. Дверь спальни была притворена. Из-под неё не пробивался свет.

Я постучала. Один раз. Два раза.

— Денис, открой. Нам нужно поговорить.

Тишина.

— Денис!

Никакой реакции. Только тихий скрип кровати. Он лег.

Я прислонилась спиной к стене в коридоре, съехала вниз, оказавшись на полу. Голова кружилась. Я чувствовала себя маленькой, сломанной игрушкой, которую выбросили в угол.

И тут я услышала это.

Тихий, едва заметный писк уведомления. Он исходил не из моего телефона. Он исходил из спальни. Сквозь дверное полотно, сквозь толстые стены, сквозь всю ложь этого брака.

Писк был коротким, стандартным звуком Android. Но в абсолютной тишине этого ночного кошмара он звучал как выстрел.

Я поднялась. Подошла к двери. Она была приоткрыта на миллиметр. Возможно, забыли закрыть плотно.

Я заглянула внутрь.

Денис лежал лицом к окну, отвернувшись от меня. Его телефон лежал на тумбочке на моей стороне кровати. Экран вспыхнул, освещая темноту бледным, мертвенно-синим светом.

Из дверного проема экран был виден сбоку. Я придвинулась к тумбочке, стараясь не задеть кровать, и различила имя контакта.

«Алина (UX Lead)».

Сообщение было всего одной строкой. Крупные буквы на экране.

«Уже соскучилась.»

Денис не шевельнулся. Он спал. Или делал вид.

Я отступила в дверной проем, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Алина. Та самая девушка из его команды, которую он нанял полгода назад. Та, которую я видела на фотографиях в соцсетях, всегда улыбающаяся, всегда рядом.

Она была в этом доме. Она пила наш кофе. Она сидела в нашей гостевой сети.

И она ждала ответа.

Я медленно закрыла дверь. Щелчок замка прозвучал как приговор.

Глава 2

Четвертый час ночи — это не время для логических выводов. Это время, когда мозг отказывает, превращая панику в вязкую, тошнотворную кашу. Я успела снять пальто и натянуть халат, но до постели так и не дошла. Стою посреди прихожей, босиком, в шелковом халате, который кажется мне теперь саваном. Роутер мигает красным. Не зеленым «подключено», а именно красным — цветом ошибки, цветом тревоги, цветом крови.

Гостевая сеть активна. После сообщения на его телефоне я связываю неизвестный ноутбук с Алиной. Устройство подключено, хотя в кабинете сейчас темно. Цифра жива. Цифра дышит в моей квартире.

Я должна найти объяснение. Любое. Сбой прошивки. Взлом ради майнинга криптовалюты. Ошибка синхронизации времени между устройствами. Что угодно, кроме того факта, что кто-то был здесь, пока я была на стройке.

Мой взгляд падает на пол. Итальянский дуб, массивная доска, которую мы выбирали три месяца, споря об оттенке танинов. Я архитектор, черт возьми. Я знаю этот паркет лучше, чем свои собственные руки. На пороге, там, где коврик переходит в дерево, виднеется размытое пятно. Влажная земля. Или грязь от дождя.

«Это протечка кондиционера», — шепчет мой внутренний голос, умоляющий о спасении. «Датчик влажности глючит».

Я включаю верхний свет. Резко, ткнув выключатель костяшкой пальца, будто пытаюсь выжечь тень из реальности. Лампы вспыхивают, заливая прихожую стерильным белым светом. Пятно становится четче. Оно не растекается лужей. Оно имеет форму. Рисунок подошвы. Женский ботинок. Каблук. Носок.

В горле встает ком, холодный и острый, как кусок льда. Это не протечка. Это след. Чья-то грязь на моем идеальном паркете.

Я тянусь к телефону, пальцы дрожат так сильно, что экран почти выпадает из рук. Открываю приложение умного замка. История событий почти пуста. Остался только вход Дениса вчера, в 23:45. Система показывает его телефон, его биометрию. Она игнорирует всё остальное.

Злость — чистая, жгучая, горячая — затмевает страх. Я сама проектировала логику этого ЖК. Я знала каждый узел, каждый сервер. Если система врет, значит, ей приказали врать.

Я переключаюсь на интерфейс роутера. Админ-панель. Лог доступа. Строчки кода плывут перед глазами, как мухи над дерьмом. Время подключения гостевой сети: 02:17. Время открытия двери (по вторичному сенсору движения, который я установила скрытно, потому что не доверяла «умным» датчикам): 02:16. Интервал в минуту. Идеальная синхронизация. Кто-то открыл дверь и сразу подключился к Wi-Fi. Зачем? Чтобы получить доступ к локальной сети дома? Чтобы скачать файлы? Или просто чтобы убедиться, что она внутри, что её сигнал принят?

Шум за спиной заставляет меня вздрогнуть. Маленькие шаги по коридору. Тёма. Моему сыну восемь лет, и он проснулся от жажды.

— Мама? — его голос сонный, тихий.

Он стоит в дверном проеме детской, потирая глаза кулаками. Его пижама с динозаврами нелепо контрастирует с моим внутренним апокалипсисом. Он смотрит на меня, потом на пол. На пятно.

Сердце пропускает удар. Он увидит. Он спросит. Он будет помнить это пятно, когда вырастет, если я сейчас не уберу его. Или если я не совру ему прямо сейчас.

— Спи, Тёма, — говорю я слишком резко. Слишком громко. В тишине ночного дома это звучит как крик.

Сын вздрагивает. Его глаза расширяются, наполняясь испугом. Он никогда не видел меня такой. Я всегда была спокойной, уверенной, той, кто решает все проблемы. А сейчас я стою посреди кухни с перекошенным лицом, готовая сорваться.

— У тебя болит голова? — спрашивает он тихо.

— Нет. Просто... усталость. Вернись в кровать. Пожалуйста.

Он медленно отступает назад. Щелчок замка детской двери звучит глухо, но я слышу его отчетливо. Он закрылся не до конца. Осталась щель в два миллиметра. Из-за приоткрытой двери он всё ещё следит за мной. Мой маленький свидетель.

Я хочу кричать. Хочу схватить тряпку и стереть это пятно до дыр, вместе с полом, вместе с домом, вместе с этой ночью. Но мои ноги приросли к месту.

И тут я чувствую запах.

Он тонкий, едва уловимый, но он есть. Древесные ноты. Muskus. Холодный, дорогой аромат, который не пахнет ни детским мылом, ни кофе, которым дышит Денис по утрам. Этот запах висит в воздухе, оседая на коже, проникая в легкие. Чужие духи. Они не растворились за несколько часов. Значит, их было много. Значит, кто-то был здесь долго. Или совсем недавно.

Тошнота подкатывает к горлу. Мне нужно свежего воздуха. Нужно выветрить это предательство, это вторжение.

Я шагаю к окну. Автоматические жалюзи должны подняться. Я трогаю сенсорную панель на стене. Экран мигает и гаснет. Система зависла. Или её заблокировали удаленно.

— Давай же! — шиплю я, стуча пальцем по стеклу панели. Без толку.

Отчаяние делает меня грубой. Я хватаю ручку окна и дергаю на себя. Стекло скрипит, сопротивляясь механизму. Я дергаю сильнее, забывая об осторожности, забывая о том, что я взрослая женщина, а не истеричка.

Край треснувшей накладки под ручкой впирается в палец.

Острая боль пронзает подушечку указательного пальца. Я отдергиваю руку. По кончику стекает капля крови, яркая, почти черная в этом свете. Окно распахнулось на пару сантиметров. Холодный ночной воздух врывается внутрь, смешиваясь с теплом дома, с запахом страха, с ароматом чужой женщины. Кровь капает на белый подоконник, оставляя красный росчерк.

Я зажимаю порез губами, чувствуя металлический привкус железа. Боль реальна. Она отвлекает от боли душевной. Хотя бы немного.

В памяти снова вспыхивает его телефон на тумбочке. Вместе с новым уведомлением там была и предыдущая строка переписки. Я не хочу смотреть на неё даже мысленно. Боюсь. Но снова читаю по памяти:

Сообщение от контакта «Алина (UX)»: «Забыла здесь свой шарф. Заберу вечером?»

Дата и время: 02:18. Минута после подключения к сети.

«Забыла шарф». Это код. Или это правда. Если правда, то физическое доказательство. Кусок ткани, который она оставила здесь, в нашей спальне, в нашем доме. Шарф, который Денис не выбросил. Шарф, который пахнет теми самыми древесными духами.

Я стою посреди кухни, с окровавленным пальцем, и понимаю, что рационализация закончилась. Мир рухнул. Дом перестал быть крепостью. Он стал аквариумом, прозрачным со всех сторон, где я плаваю среди водорослей измены, а снаружи на меня смотрят другие рыбы.

Щелчок двери наверху оглушает. Потом ступени скрипят под тяжелыми шагами.

Денис.

У меня нет времени. Нет времени убрать улики. Нет времени надеть маску спокойной жены. Нет времени даже вытереть кровь с пальца.

Паника, холодная и расчетливая, овладевает мной. Я хватаю рукав своего халата и быстро, нервно тру по полу в месте, где было пятно грязи. Ткань промокает и тяжелеет. След становится менее заметным, но он остается. Влажное пятно на дубе.

Денис выходит с лестницы в прихожую. От него пахнет сигаретами и холодным воздухом: наверное, курил у открытого окна. Его лицо расслаблено, довольное. Он еще не знает, что его мир трещит по швам.

— Ты почему не спишь? — спрашивает он, остановившись на нижней ступени. В его голосе легкое удивление, но не тревога. Он привык, что я работаю ночами над проектами. Привык к тому, что я контролирую всё.

Я молча убираю руку за спину, пряча окровавленный палец. Сердце колотится так, что отдаёт в висках.

— Не могла уснуть, — отвечаю я. Голос звучит чуждо, хрипло.

Денис подходит ближе. Он хочет обнять меня. Это автоматический жест, ритуал приветствия хозяина дома, спустившегося из спальни. Он кладет руки мне на талию, притягивая к себе. Его тело теплое, живое, надежное. И одновременно смертельно опасное.

Его взгляд скользит вниз. По полу. По моему мокрому рукаву. По влажному следу на паркете.

Я жду вопроса. Жду подозрения. Жду, что он спросит: «Что ты делаешь с тряпкой в три часа ночи? Почему пол мокрый?».

Но он улыбается. Легко, чуть насмешливо.

— Опять ты переделываешь дизайн прихожей? — говорит он, поглаживая мою спину. — Я же говорил, этот лак слишком капризный. Реагирует на влажность. Тебе нужно перестать контролировать каждую мелочь, Марин. Отпусти ситуацию.

Он говорит о лаке, пока я прячу за спиной окровавленный палец. Ещё немного — и я сама начну извиняться за мокрый пол.

Я смотрю на его руки. Идеальные, ухоженные, без единого мозоля. Руки человека, который управляет миллиардами байтов данных. Руки человека, который может стереть историю браузера одной кнопкой.

Страшная правда оседает в груди, тяжелее свинца. Он знает.

Он знает, что я видела журнал доступа. Он знает, что я проверила логи. Он не испугался, потому что он уже начал стирать следы удаленно. Может быть, очистку он запустил ещё наверху. Я не знаю, как он это делает; знаю только, что записи исчезают, а он велит мне не верить собственным глазам.

Он уверен, что я никогда не смогу доказать ничего без цифровых логов, которые он контролирует. Для него я — не жена. Я — часть системы, которую можно перезагрузить, почистить, обновить. Я — баг, который нужно исправить.

Я пытаюсь отступить, но его руки остаются на моей талии. За его плечом мигает роутер. Ещё час назад я могла открыть журнал, теперь там пусто. Даже спросить, кто приходил, нельзя — снова услышу про лак и свою истерику.

Денис наклоняется и целует меня в макушку. Его губы мягкие, уверенные.

Я замираю, чувствуя, как по спине пробегает мурашка отвращения. И тогда я ощущаю это.

На своих волосах. На своей коже. Запах.

Не его сигареты. Не мой шампунь.

Чужая помада. Тонкая, сладковато-химическая нотка, которая въелась в ткань его футболки, а теперь перешла на мои волосы. Или это мои собственные волосы пахнут страхом, который приобрел вкус металла и крови?

Разницы больше нет. Дом пахнет чужой женщиной. И мужем, который стирает доказательства прямо у меня на глазах.

Глава 3

Утро пахло остывшим кофе и предчувствием катастрофы. Я стояла у кухонного острова, сжимая в руках распечатанный журнал доступа роутера. Бумага была влажной от пота моих ладоней. Цифры горели красным: 03:14 ночи. IP-адрес ноутбука Алины. Активна гостевая сеть.

Денис вошел на кухню, зевая так широко, что его челюсть хрустнула. Он выглядел как победитель жизни: свежая рубашка, идеально уложенные волосы, легкая небрежность человека, который уверен, что мир крутится вокруг него. Он взял чашку из кофемашины, даже не взглянув на меня.

— Доброе утро, Мариш. Ты чего такая бледная? Не выпалась? — его голос был мягким, почти заботливым. Это бесило сильнее, чем крик.

Я молча положила лист бумаги рядом с его чашкой. Чернила еще пахли тонером принтера.

Денис бросил на него мимолетный взгляд, словно на рекламу йогурта в почтовом ящике. Затем сделал глоток.

— Технический глюк, — сказал он, не поднимая глаз. — У нас же умный дом, Марина. Всё подключено к облаку. Иногда серверы перегружаются, логи слетают. Паранойя — плохая привычка для архитектора. Тебе нужно заниматься детьми, а не ковыряться в настройках Wi-Fi.

Мои пальцы дрожали. Я достала телефон и ткнула экраном ему в грудь. На дисплее светилось сохраненное уведомление умного замка: «Вход открыт. Ключ: Гость». Время: 02:16. Через минуту — «Закрыто».

Он наконец посмотрел на экран. Его лицо не изменилось. Ни тени страха. Только раздражение.

— Ты рылась в моих вещах? — спросил он тише. В его интонации звенела сталь. — Почему ты мне не доверяешь? Мы обсуждали это. Твой контроль над каждым миллиметром пространства душит меня. Ты превратила нашу жизнь в отчет по соблюдению нормативов.

— Почему чужой ноутбук был подключен в три часа ночи, если ты спал? — мой голос сорвался на шепот, но слова прозвучали как приговор. — Алина работает в другом часовом поясе? Или она сидит в нашей гостиной, пока мы храпим?

Денис вздохнул. Тяжело, театрально. Он сделал шаг ко мне. Его запах — дорогой парфюм и табак — ударил в нос. Он попытался обнять меня, положив руку на плечо. Этот жест должен был успокоить, заглушить конфликт, вернуть всё в русло «мы семья, мы разберемся». Но я почувствовала себя пойманной в капкан. Его рука давила на ключицу, лишая воздуха.

— Тебе нужен отдых, — прошептал он мне в макушку. — Перегрузка. Посмотри на себя. Ты истеришь из-за строчки в логах. Давай я закажу тебе массаж? Или полетим на Мальдивы? Просто перестань быть такой... напряженной.

Моя кровь вскипела. Холодная, липкая ярость разлилась по венам. Я резко отстранилась, толкнув его плечом. Локтем я ударила по столешнице так сильно, что фарфор чашки подпрыгнул и с грохотом упал на пол. Звон разбитой керамики прорезал тишину кухни. Кофе растекся темной лужей по дубовому полу.

Денис замер. Его улыбка исчезла. На лице появилась маска холодного расчетливого инвестора.

— Ты ведешь себя неприлично, — произнес он ровно.

Он достал свой телефон, разблокировал его и повернул экран ко мне. Скриншот переписки в Telegram. Имя контакта: «Алина (UX)». Сообщения: «Спасибо за встречу», «Интерфейс готов», «До завтра». Даты совпадали.

— Она была здесь по работе, — заявил он. — Обсуждали редизайн приложения. Гостевая сеть настроена для подрядчиков. Я не могу запрещать людям использовать интернет в собственном доме. А то, что ты видела IP-адрес ноутбука — это просто совпадение. Алина заходила через мобильную точку доступа, сигнал мог перебиваться. Ты не разбираешься в сетях, Марина. Не пытайся делать выводы там, где нужны знания.

Я смотрела на сообщения. Тон был слишком дружеским для коллег. Эмодзи сердечек. Шутки про «кофе после полуночи». Но вслух я сказала другое:

— Покажи мне историю входа в систему управления светом. Если она была тут, она должна была включить свет в гостиной. Или в кухне.

Денис усмехнулся. Он убрал телефон в карман брюк.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Это моя система безопасности, Марина. Панель управления IoT-устройствами находится в администраторском доступе. Я не буду показывать логи тебе. Это нарушение конфиденциальности данных компании. И моей личной приватности.

Он развернулся спиной, присел у осколков и начал вытирать кофе салфеткой, как будто ничего не произошло. Как будто я не только что увидела трещину в фундаменте всей своей жизни.

«Ты не имеешь права требовать отчетов», — добавил он, не оборачиваясь.

Меня накрыло ощущение клаустрофобии. Дом перестал быть крепостью. Стены стали прозрачными, а провода — нитями марионетки. Он контролировал не только сеть. Он контролировал саму инфраструктуру нашего быта. Температура воздуха, освещение, звук домофона — всё это было его серверной. А я жила внутри его компьютера. Заключенная.

В этот момент на кухню тихо проскользнул Артём. Мой восьмилетний сын, с растрепанными волосами и сонными глазами. Он остановился в дверном проеме, глядя на осколки чашки и на меня: я кусала губы, чтобы не закричать.

— Мама? — спросил он. — Почему ты плачешь?

Денис мгновенно перевоплотился. Одна секунда назад он был ледяным диктатором, теперь — любящим отцом. Он присел на корточки перед сыном, улыбнувшись той самой теплой, обезоруживающей улыбкой, которую дети обожают.

— Ничего страшного, Тёма. Мама просто расстроилась из-за работы. Голова болит. Давай вместе соберем новый конструктор, который я купил вчера? Поможешь папе найти инструкцию?

Артём кивнул, глядя на меня с тревогой.

— Мам, ты идешь?

Я хотела сказать правду. Крикнуть: «Он лжет! Он впустил эту женщину сюда ночью!» Но я посмотрела в глаза сына. Чистые, доверчивые. Если я сейчас начну скандал, я стану сумасшедшей в его глазах. Денис знал это. Он использовал ребенка как щит, как инструмент давления. Он заставлял меня молчать, сохраняя лицо перед сыном.

Сын всё ещё ждал ответа. Я прикусила губу сильнее: ещё слово — и он расплчется вместе со мной.

— Идите, — выдавила я. Голос дрожал. — Папа поможет.

Они вышли из кухни. Денис обернулся на пороге. Его взгляд скользнул по мне, оценивающе, хищно. Потом дверь закрылась.

Тишина стала оглушающей.

Ночь наступила незаметно. Дети спали. Денис тоже, судя по звукам из спальни, хотя я знала, что он может лежать с открытыми глазами, планируя следующий ход. Я вернулась на кухню. Темнота резала глаза. Я включила верхний свет — слишком ярко, больно. Выключила. Оставила только подсветку рабочей зоны.

На столе, там, где он вчера вечером читал документы, лежал забытый блокнот. Кожаный, тяжелый. Денис никогда не оставляет вещи без присмотра, если они важны. Значит, он хотел, чтобы я их нашла? Или это была ошибка?

Я открыла блокнот. Страницы были исписаны схемами архитектуры стартапов, паролями тестовых сред. Моя рука дрогнула, когда я наткнулась на одну строку, написанную крупным, нервным почерком:

ALINA_DEV_KEY_99

Рядом, на полях, была нарисована стрелка. Она указывала вниз, на имя: Марина.

Сердце пропустило удар. Это не была случайность. Это был вызов. Он оставил эти «хлебные крошки» специально. Чтобы я нашла. Чтобы я начала сомневаться в своем здравом уме. Чтобы я копалась в его грязных секретах, пока он наблюдал со стороны, наслаждаясь моим распадом.

Я достала телефон, чтобы сфотографировать страницу. В тот же момент экран вспыхнул push-уведомлением от приложения «HomeControl»:

«Свет в спальне выключен вручную».

Я подняла голову. Из-под двери спальни Дениса пробивался тусклый желтоватый свет. Свет горел.

Кто-то управлял системой извне. Или...

Звук шагов в коридоре заставил меня замереть. Но никто не вошел. Шаги затихли. Тишина стала плотной, осязаемой.

Осознание обрушилось на меня лавиной. Денис не просто изменял. Он играл. Он использовал мои же технологии против меня. Уведомление о выключении света пришло на мой телефон, потому что я добавила его в список «доверенных устройств» несколько лет назад, когда мы только въехали в квартиру. Тогда это казалось символом доверия. Теперь это было каналом связи для психопата.

Он знает, что я слежу за домом. Он знает, что я вижу каждый его шаг. И он намеренно оставляет эти следы, эти ложные сигналы, сводящие с ума. Он не прячется. Он демонстрирует силу. Он показывает, что я беспомощна в ловушке, которую мы построили вместе.

Я медленно опустила телефон. Экран погас, отражая мое искаженное лицо.

Посмотрела на мигающий зеленый индикатор роутера. Раньше он казался мне обычной лампочкой устройства связи. Теперь он пульсировал в темноте кухни, как сердце раненого зверя. Или как маяк.

Он больше не казался мне случайностью. Это был сигнал. И я поняла, что пока я стою здесь, в темноте своей кухни, чувствуя, как земля уходит из-под ног, он уже давно знает, что я знаю. Вопрос был не в том, пойман ли он. Вопрос был в том, сколько времени ему осталось, прежде чем он решит, что я стала слишком опасной игрушкой, которую нужно выбросить. Или уничтожить.

Одного адвоката мне было мало. Мне нужен был ещё и хакер. Тот, кто сможет войти в его цифровую цитадель и вынести оттуда доказательства измены и, главное, доказательства того, что наш дом — это тюрьма.

Я взяла блокнот и засунула его в сумку. Выйду утром. Сначала — документы и ключи.

Глава 4

Утро пахло свежесваренным кофе и тишиной, которая была громче любого крика. Я сидела за островом из мрамора — того самого, который мы выбирали полгода, споря о прожилках до хрипоты, — и пыталась налить сок в стакан Леры. Руки дрожали так сильно, что оранжевая струя попала мимо, растекшись по светлой столешнице темным пятном, похожим на кровь.

Денис не поднял головы от ноутбука. Он сидел напротив, в своей идеальной серой футболке, с наушниками, и пальцы его быстро печатали код. Клавиатура щелкала ритмично, как метроном, отсчитывающий секунды моего терпения. Этот звук сводил с ума. Раньше он означал для меня безопасность: муж работает, дом полон света, дети сыты. Теперь это был звук тюрьмы. Звук человека, который считает твои шаги и знает, что ты никуда не денешься.

— Мама? — голос Артёма, восьми лет, прервал тишину. Мальчик теребил край скатерти, глядя то на отца, то на меня. Его большие глаза были наполнены тревогой. — Почему папа не улыбается тебе? Вы поругались?

Я замерла, схватив полотенце, чтобы вытереть сок. Внутри всё оборвалось. Мне хотелось заорать, разбить этот мраморный остров об голову Дениса, но я лишь натянула улыбку, которая трещала по швам.

— Всё хорошо, солнышко. Папа просто сосредоточен. У него важная задача.

Лера, пятнадцатилетняя бунтарка, отложила телефон и посмотрела на меня с таким холодным презрением, будто я только что призналась в преступлении. Она видела, как я прячу руки под столом, как избегаю взгляда мужа. Молчание читалось не как сила, а как слабость. Как капитуляция.

Денис наконец снял один наушник. Не вставая, он повернулся ко мне, и его лицо было маской безупречного спокойствия. Но глаза... Глаза у него были пустые, расчетливые.

Он встал, обошел остров и остановился вплотную к моему стулу. Так близко, что я почувствовала запах его дорогого одеколона — сандал и ветивер, аромат, который раньше казался мне сексуальным, а теперь вызывал тошноту. Он наклонился, прижавшись губами почти к моему уху. Его дыхание было горячим и влажным.

— Марина, — прошептал он так тихо, что дети не могли расслышать слов, но слышали интонацию. — Если ты устроишь здесь сцену, если хоть одна слезинка упадет на пол, я заберу детей сегодня же. К маме. Ты знаешь, как она относится к «истеричкам», которые не могут обеспечить нормальные условия своим внукам. Ей нужно только оправдание.

Мои пальцы побелели на ручке стула. Тёма смотрел на нас, и я чуть не позвала его к себе. Денис ещё стоял у моего уха. Я сглотнула, не выпустив ни слова: он только того и ждал, чтобы увезти их к своей матери.

В этот момент телефон, лежащий рядом с моей чашкой, завибрировал. Экран вспыхнул. Я не могла отвернуться, потому что Денис стоял стеной, блокируя обзор, но боковым зрением я видела уведомление. Telegram. Отправитель: Алина.

Фотография. Ресторан. Столик у окна, вечерний свет, отражающийся в бокалах. На снимке была рука Алины, тонкая, с маникюром в цвет ее глаз, лежащая на колене Дениса. А его другая рука держала бокал шампанского, и на запястье блестели часы, которые я подарила ему на годовщину свадьбы. Часы, которые он не надевал дома уже месяц.

Дети видели, как я побледнела. Артём открыл рот, готовясь спросить, почему мама стала белой как бумага.

Но Денис действовал быстрее молнии. Его рука метнулась к телефону, выхватывая его из-под моих пальцев. Палец скользнул по экрану, удаляя уведомление.

— Извините, детки, — сказал он, поворачиваясь к детям с обезоруживающей, солнечной улыбкой, которую я ненавидела всей душой. — Маме просто стало плохо. Мигрень. Знаете, как бывает, когда погода меняется? Марин, иди ляг. Мы сами доедим.

Он протянул мне телефон обратно, как будто ничего не произошло. В его глазах плясали чертики торжества. Он убрал уведомление с экрана прямо у меня на глазах. Превратил мою боль в бытовую мелочь, в женскую истерику, которую можно игнорировать ради комфорта окружающих.

Лера медленно встала из-за стола. Стул скрипнул, нарушая идиллию.

— Пап, — сказала она. Голос был тихим, но твердым, как камень. — Ты правда был в командировке?

Денис не моргнул. Он посмотрел на дочь прямо, уверенно, с той харизмой миллиардера, который привык, что ему верят на слово.

— Да, Лер. Сложный проект, много переговоров. Я же говорил, что вернусь поздно или рано утром. Почему спрашиваешь?

— Потому что вчера ночью ты спал дома, — произнесла Лера, и в воздухе повисла звенящая тишина. Артём удивленно уставился на старшую сестру, потом на отца.

Денис усмехнулся, пожимая плечами.

— Я возвращался между рейсами, детка. Разница во времени сбивает с толку. Иди ешь кашу, пока не остыла.

Лера посмотрела на меня. В её глазах было не сочувствие. Там было ожидание. Она ждала, что я скажу правду. Ждала, что я сломаюсь или восстану. Я видела, как она смотрит на мои руки, сжимающие салфетку до комков. Она поняла, что мать молчит не потому, что всё хорошо, а потому, что боится.

И именно в этот момент, глядя в глаза своей дочери, я почувствовала, как внутри меня что-то хрустнуло. Не нервы. Фундамент. Тот самый, который я годами строила, считая себя архитектором собственной жизни.

Я встала. Ножка стула царапнула по паркету, издав резкий, неприятный звук.

— Я пойду собираться, — сказала я ровно. Без эмоций. Как констатация факта, вроде «сейчас идет дождь».

Денис развернулся всем корпусом, преграждая мне путь к коридору. Его плечи перекрыли проход к спальне.

— Куда ты собралась? — Его голос стал низким, бархатным и опасным. — Ты моя жена. Этот дом мой. И ты никуда не пойдешь без моего разрешения. Сядь.

Он потянулся к ключам от машины, лежавшим на тумбочке.

Я не стала ждать. Я видела, как он переносит вес на одну ногу, потянувшись к тумбочке. Денис был высоким, крупным мужчиной, но он был расслаблен. Он не ожидал физического сопротивления от «послушной» Марины.

Я сделала шаг вперед, используя инерцию его движения против него. Когда он потянулся за ключами, я толкнула его ладонью в грудь, одновременно перехватывая его запястье и вырывая ключи из его пальцев. Это было грубо, некрасиво, чисто механически. Рычаг.

Денис потерял равновесие и шагнул назад, ударившись спиной о дверной косяк. Его лицо исказилось от шока и ярости. Он никогда не видел меня такой. Ни разу.

— Ты... — начал он, но я уже проскользнула мимо него в спальню.

Сердце колотилось где-то в горле. Руки тряслись так, что я едва могла застегнуть сумку. Я кидала туда вещи наугад: джинсы, трикотаж, документы. Не одежда, а доказательства существования. Я не плакала. Слез не было. Была только ледяная, кристально чистая ярость.

Выходя из спальни, я столкнулась с Денисом. Он стоял посреди коридора, дыша тяжело, и в его глазах читалось обещание расплаты.

— Если ты выйдешь из этой квартиры, — процедил он сквозь зубы, — я начну процедуру развода немедленно. Судьи знают меня лучше, чем тебя. Ты останешься ни с чем, Марина. Ни с чем.

— Посмотрим, — бросила я, не останавливаясь.

Гараж встретил меня гулом вентиляции и запахом бензина. Моя машина, белая «Тесла», стояла там, как последняя крепость. Я села за руль, захлопнула дверь и заблокировала замки. Пальцы дрожали над селектором движения.

Через стекло я видела, как Денис вышел из лифта и направился к машине. Он не бежал. Он шел размеренно, уверенно, доставая телефон. Он снимал меня на видео. Фиксировал момент неповиновения как компромат. Для суда. Для детей. Для своих друзей-инвесторов, чтобы показать, какая у него «неадекватная» жена.

Я нажала газ. Шины взвизгнули по бетону, и машина рванула вперед, оставляя фигуру мужа позади.

Пока я выезжала с территории ЖК, зеркало заднего вида показывало его. Он остался у гаражного выезда, маленький и злой, и продолжал снимать. Я не отвлекалась. Смотрела только на дорогу.

На выезде, у шлагбаума, я достала телефон. Номер Алины висел в контактах как насмешка. Открыла переписку. Палец завис над полем ввода, но я не стала писать ей гневных строк. Это было бы эмоционально, а мне нужна была информация.

Звонила Катя. Моя подруга, юрист по семейному праву, с которой мы не виделись неделю из-за аврала на стройке.

— Алло, Катя? — мой голос звучал хрипло.

— Марин? Ты чего такая мрачная? Что случилось?

— Я уехала.

Пауза. Долгая, тяжелая пауза, в которой я слышала шум офисного принтера на фоне.

— Уехала? Совсем?

— Да. Слушай, мне нужен Игорь. Срочно.

Катя вздохнула.

— Подожди. Я только что прочитала новости. Про стартап Дениса, тот, куда он вложил последние личные деньги. Там проблемы с налоговой. Серьезные. Сомнительные транзакции через офшоры. Если это вскроется официально, ему грозит уголовка, не отделаться штрафом.

Я замерла на светофоре. Мир вокруг сузился до одной точки.

Значит, он давил на меня не только из-за измены. Или не только. Ему нужны были чистые руки. Ему нужна была я, молчащая, покорная, подписывающая любые бумаги, чтобы спасти свою репутацию перед инвесторами. Его высокомерие, его контроль над домом, его угрозы забрать детей — всё это была жестокость, но за ней стояла паника.

Он боялся не потерять меня как жену. Он боялся потерять меня как ресурс, который можно использовать для прикрытия его незаконных схем.

Мой уход был началом войны, а не эмоциональным порывом. И у меня появился козырь, о котором он даже не подозревал. Я знала, где искать правду. Я знала, кто может помочь мне вытащить её из цифрового мусора.

Я не ехала плакать в подушку. Я ехала к Игорю.

Светофор переключился на зеленый. Я вдавила педаль газа, чувствуя, как меня вжимает в сиденье. Впервые за долгое время я чувствовала скорость не как опасность, а как свободу.

На следующем перекрёстке я перестроилась в нужный ряд. К Игорю. Катя всё ещё была на линии, и я попросила её продиктовать адрес ещё раз.

Глава 5

На следующее утро запах в офисе Галины Петровны был густым, как остывающий бульон: старая бумага, лимонный ароматизатор и дешевый кофе из автомата в коридоре. Я сидела на жестком стуле, чувствуя, как потеют ладони. На столе перед нами лежали мои «улики»: распечатки логов роутера, скриншоты уведомлений умного замка, история входов с точностью до секунды. Это было моё оружие. Моё доказательство того, что я не сумасшедшая.

Галина Петровна даже не притронулась к листам. Она крутила в пальцах золотое кольцо, глядя поверх моих документов так, будто видела пустой стакан.

— Марина, — начала она голосом сухим, как пергамент. — Что вы ожидаете увидеть? Приговор? Ордер на арест?

Я слотнула ком в горле.

— Доказательства измены. Факт несанкционированного доступа к сети. Это нарушение приватности, это...

— Это техническая активность устройства, — перебила она, и её тон стал резче. — Логи сервера фиксируют подключение IP-адреса. Но они не показывают, кто именно держал этот ноутбук. Не показывают, о чем говорили люди в комнате. Без расшифровки трафика или видео с лица эти цифры — пустой звук для суда. Вы принесли мне отчет об обновлении ПО, а не доказательства преступления.

Первый удар пришелся по надежде. Мир, который я строила на цифрах, рассыпался от одного взгляда юриста. Но хуже всего ждало впереди.

Галина откинулась в кресле, сложив руки на груди.

— А теперь о том, почему я не могу взять это дело. Денис Аркадьевич предоставил брачный контракт. Пункт 14. Любые данные, извлеченные из домашней IoT-сети без его письменного согласия, считаются нарушением конфиденциальности и основанием для лишения части имущества при разделе. Этот пункт ещё можно оспаривать. Но сейчас ваш дом, Марина, превращен в минное поле. Каждый шаг внутри него может быть истолкован против вас.

Меня бросило в холод. Он сделал это специально? Превратил стены нашего дома в ловушку, где каждый мой вздох записывается как улика против меня самой?

— И последнее, — Галина посмотрела на меня с жалостью, которая больше презрения. — Если вы подадите иск сейчас, основанный на «параноидальных» наблюдениях за мигающим светодиодом роутера в три часа ночи, его адвокаты попытаются выставить вас эмоционально нестабильной. Денис уже подготовил иск о защите чести и достоинства. В нем фигурирует ваша ночная активность у сетевого оборудования. Для внешнего мира вы не жертва предательства. Вы — истеричка, которая следит за мужем через Wi-Fi.

Воздуха стало мало. Я чувствовала, как спина влажно прилипает к спинке стула. Дети. Они видели наши крики. Они слышали, как папа говорит, что мама «не в себе». Тёма смотрел на меня с испугом, а Лера ждала, что я наконец отвечу отцу. Ещё немного — и они тоже начнут верить ему, а не мне.

— Мне нужны алименты, раздел бизнеса, — прошептала я, пытаюсь вернуть контроль. — У меня есть студия...

Галина покачала головой.

— Ваша архитектурная студия заморожена. Он перекрыл платежи через связанные с ним компании. На ваши личные счета оттуда больше ничего не поступает. Чтобы нанять топового семейного адвоката, который сможет пробить эту броню, вам нужна сумма, которой у вас нет. Вы бедны в богатом доме, Марина. И если вы начнете процесс прямо сейчас, вы проиграете всё.

Она отказалась брать дело. Слово «суицидальная» повисло в душном воздухе кабинета.

Я вышла на улицу, и дневной свет ударил по глазам. Дверь машины захлопнулась с глухим звуком. Тишина салона была оглушающей. Я достала телефон. Пальцы дрожали, когда я набирала номер Лены, моей подруги со времен университета.

— Лен, привет. Слушай, мне нужна помощь. Небольшая сумма на консультацию другого юриста...

На другом конце провода повисла пауза. Долгая, вязкая.

— Марин, — голос Лены был тихим, почти шепчущим. — Я не могу.

— Почему? Ты же знаешь, что происходит!

— Знаю. Именно поэтому. Денис перевел мне вчера крупную сумму. Назвал это «фондом поддержки семьи», но условия были понятны. Молчание и дистанция. Он сказал, что если ты начнешь войну, я останусь ни с чем. А если ты уйдешь тихо... ну, ты понимаешь.

Сердце пропустило удар.

— Ты продаешься ему?

— Я защищаю себя, Марина. Все вокруг куплены. Даже те, кого ты считала своими.

Трубку отключили. Гудки в трубке звучали как насмешка. Социальный круг рушился, кирпичик за кирпичиком. Денис контролировал дом и воздух, которым я дышала вне его стен. Я была изолирована в стеклянном пузыре, и никто не мог разбить его снаружи.

Я смотрела на экран телефона. Открыто сообщение в черновике Денису: «Пожалуйста, давай поговорим спокойно. Я не хочу скандала при детях. Я просто хотела понять...»

Рука сама потянулась отправить. Страх парализовывал лучше любой стены. Легче было унижаться, чем бороться в одиночку. Но в памяти всплыл телефон Дениса. «Забыла здесь свой шарф». Она могла оставлять вещи в моём доме, а я сейчас собиралась просить разрешения на разговор.

Палец всё ещё висел над кнопкой отправки. «Я просто хотела понять». Прочла ещё раз и стиснула зубы. Он знает, что я хотела понять. Шарф-то не мой.

Я удалила черновик. Нажала кнопку вызова нового контакта.

Игорь жил там, где закон заканчивался и начиналась грязь. Его офис располагался в полуразвалившемся гаражном кооперативе на окраине, среди ржавых контейнеров и запаха бензина. Когда я вошла внутрь, контраст с офисом Галины Петровны был шокирующим. Здесь пахло пылью, металлом и свободой.

Игорь сидел за столом, заваленным мониторами. Он не встал. Только хмыкнул, увидев мое состояние.

— Адвокат сказал «нет»?

— Сказал, что я сумасшедшая, — ответила я, садясь на скрипучий табурет. — И что данные незаконны.

Игорь усмехнулся. Холодно, цинично.

— Ожидаемо. Денис знает законы лучше, чем судьи знают правду. Он создал среду, где его вина технически недоказуема для суда, а твоя попытка найти её выглядит как нарушение приватности.

— Значит, все бесполезно? Мы заперты в клетке из его правил?

Игорь повернулся к одному из мониторов. Щелчок клавиши. Экран ожил.

— Закон бессилён, Марина. Но репутация хрупка.

Он включил видео. Запись с камеры умного домофона. Четкость 4К, идеальная оптика. На экране наша входная дверь. День. Свет. Из лифта выходит Алина. Она не прячется. Она уверенно проходит к двери, открывает её своим ключом (который, видимо, скопировала или получила от Дениса) и входит внутрь. Камера фиксирует время входа. Рядом таймлайн совещания Дениса, которое он вел онлайн в этот момент. По календарю он должен был быть далеко.

Но главное было не в этом.

— Посмотри на метаданные файла, — указал Игорь на нижнюю часть экрана. — Эти данные лежат в облачном резерве умного домофона. Доступ к ним открыт. Незакрытая ссылка на архив. Любой, у кого есть базовые навыки и желание, мог их скачать.

Я замерла.

— Он оставил это открытым? Специально?

Игорь развернулся ко мне, и в его глазах блеснул тот самый «звоночек» опасности, который я почувствовала в самом начале.

— Денис играет в игру «кошка-мышь». Он проверяет границы. Он хочет посмотреть, насколько далеко ты готова зайти в нарушении закона ради мести. Если принесёшь эти данные без объяснения, откуда они взялись, его юристы будут оспаривать их происхождение. Ты станешь той самой «истеричкой».

— Но если... — начала я, понимая логику его игры.

— Но если ты используешь их как рычаг давления. Не в суде. А в СМИ. Или лично ему. Угроза публикации этих кадров разрушит его имидж инвестора, который ставит на «этичность» и «безопасность данных». Клиенты испугаются. Инвесторы отступят.

Игорь наклонился ближе. От него пахло сигаретами и железом.

— Забудь про суд, Марина. Судьи читают законы, а я читаю людей. Денис не боится стать банкротом. Он боится стать смешным. Давай лишим его этой улыбки... прямо перед всеми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.